

специалисту. Многие теории вообще не рассмотрены, дается только список литературы. Возможно, стремление вместить слишком большое количество информации в ограниченный объем книги привело автора к созданию неординарной, пожалуй, не слишком удачной формы построения учебника в виде "гида" по специальной литературе. В результате книгу трудно считать соответствующей своему заданию — она скорее помогает систематизировать уже имеющиеся знания, чем дает новые. Ясное и четкое изложение основных идей психолингвистики в интерпретации столь авторитетного специалиста, как А.А. Леонтьев, без отвлекающих деталей, переизбытка имен, цитат (то есть

уменьшение "калейдоскопичности" за счет повышения внятности изложения) более отвечало бы стандартным требованиям, предъявляемым к учебнику и в большей степени способствовало бы выработке у студентов четкого и недвусмысленного представления о том, чем именно занимается психолингвистика. В то же время не подлежит сомнению, что рецензируемое издание будет активно использоваться не только для подготовки студентов, но и как путеводитель по психолингвистике для специалистов в различных областях "поведенческих" наук.

Н.Я. Мазлумянова

кандидат философских наук
Институт социологии РАН

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ. 1953-1968 / ПОД РЕД. Л.Н. МОСКВИЧЕВА. М.: ACADEMIA, 1997. 168 с.

Сборник открывает серию "Социология и власть, 1950-1990: документы и материалы", планируемую Институтом социально-политических исследований РАН совместно с Центром хранения современной документации (ЦХСД).

Сборник охватывает период отечественной социологии, связываемый обычно с «хрущевской оттепелью». В него вошли документы Политбюро (Президиума) и Секретариата ЦК КПСС, отделов аппарата ЦК КПСС, касающиеся развития социологии в стране, докладные записки, справки и т.п., адресованные в ЦК КПСС, документы Академии наук СССР и других ведомств, международных социологических организаций, а также индивидуальные и коллективные письма ученых-обществоведов — всего 59 документов. Все они хранятся в ЦХСД и публикуются впервые.

В основе композиции сборника — два принципа: хронологический и пред-

метный, или тематический. Используется двухуровневая нумерация: документы, объединенные одной и той же тематикой, имеют общий номер. Сборник снабжен комментариями и указателем имен.

Любая подборка архивных документов является производной от историографической концепции объекта — в данном случае истории отечественной социологии. Эта концепция может быть логически и тематически развита, а может содержать лишь представления об актуальных и интересных темах. Во вступительных материалах к сборнику указывается, что цель публикуемой документальной подборки — продемонстрировать «реальное положение социологии и социологов в СССР, отношение к ним властных структур» (с. 5). В другом месте основная задача издания трактуется как показ процесса «возрождения», или «реабилитации» социологии посредством признания партийным и академическим руководством. «Социо-

логия утратила свои позиции в результате жестко проводимой с начала 1920-х годов идеологической политики, подкрепленной радикальными административными мероприятиями, т.е. в результате целенаправленных репрессий, — написано во «Введении». — Поэтому возрождение социологии было, по сути своей, ничем иным, как ее фактической реабилитацией, которая происходила с большими сложностями и очень растянулась во времени: потребовалось более десяти лет, например, чтобы на самом высшем уровне было принято решение о развитии только лишь конкретных социальных исследований» (с. 9). Если между первой и второй трактовками концепции сборника угадывается немало общего (например, взгляд на проблему «социология и власть» в период 1950-1960-х гг. как процесс постепенного «узаконивания» властными структурами социологии в качестве самостоятельной научной дисциплины), то третья, сформулированная в краткой аннотации, являет собой нечто отличное от первых двух. Речь идет о том, что «истинное положение дел в советском обществе вступало в противоречие с политической практикой и идеологическими императивами того времени». Отсюда, в частности, следует, что публикуемые документы подобраны исходя из представления о «страдательном» положении социологии, стремящейся к объективному знанию, но репрессируемой властными структурами.

В рассматриваемый период репрессивному воздействию подвергались все науки, в том числе идеологически нейтральные: химия, биология, языкознание. Далеко не все социологи ставили целью «показать властям истинное положение дел в советском обществе». Во всяком случае целесообразно различать идеологические репрессии, направленные против науки, и репрессии против людей в науке.

Наоборот, еще до того, как началась институционализация «конкретных» исследований, в социологии не прекращался внутренний конфликт. Этот конфликт был связан с борьбой

«старшего поколения» за приоритетное положение в сфере управления социальными науками. Речь идет о многолетнем конфликте Г.Ф. Александрова и, как выразился Д.Т. Шепилов, его «мальчиков», с одной стороны, и П.Ф. Юдина и М.Б. Митина, с другой. Это важнейшее для истории отечественной общественной науки обстоятельство косвенно отражено в одном документе, имеющем редакционное заглавие «Из письма академика П.Ф. Юдина председателю Идеологической комиссии ЦК КПСС П.Н. Демичеву о причинах падения авторитета общественных наук», от 1 сентября 1965 года. Об остроте конфликта можно судить по следующей цитате: «На протяжении двух последних десятилетий в руководстве общественными науками складывалась и развивалась монополия лиц (Г.Ф. Александров, П.Н. Федосеев, П.Н. Пospelов, Л.Ф. Ильичев), моральный, научный и политический облик которых подрывал и продолжает подрывать авторитет общественных наук. Отличительная особенность этой монополии заключается в том, что она объединяет не представителей какой-либо научной школы (научная ценность этих людей весьма незначительна), а лиц, спянных общностью своих карьеристских устремлений, и носит не научный, а административный характер» (с. 72). Автор письма сообщает (им упоминается и Ф.В. Константинов), что «это беспринципные люди, готовые возвеличивать кого угодно, лишь бы сохранить свои высокие посты» (с. 73), что «им уже никто не верит и не поверит, они больше заняты тем, как бы это половчее вывернуться» (с. 74). Если бы составители включили в сборник документы, хранящиеся в Архиве РАН, можно было бы показать, что социология в ее версии конца 40-х — начала 50-х годов развивалась под протекторатом «александровских мальчиков».

Противостояние между социологией и властью как стремление преодолеть косность идеологических доктрин, усовершенствовать методологию социоло-

гического исследования (и, в частности, развить его методичку и технику) в соответствующий период можно рассматривать лишь в качестве тенденции, привносимой в развитие социологии поколением тогда молодых ученых – так называемых «шестидесятников». По-видимому, лишь в отношении этой и никакой другой части профессионального сообщества правомерно утверждение о конфликте социологии и власти в рассматриваемый период. Молодых ученых в то время отличала относительная свобода от идеологических клише в сфере научного исследования, тяготение к «буржуазной социологии». Конечно, трудно ожидать, что в фондах ЦХСД обнаружатся документы, проясняющие этот конфликт, – они относятся к «быту науки», но косвенные свидетельства имеются. Одно из них – «Записка Главлита о задержании статьи В. Поремского «Советская социология глазами западных ученых» (24 июля 1967 г.). В ней содержится, в частности, оценка молодого поколения социологов. Так, В. Поремский отмечает: «В Советском Союзе, в силу исключительно сурового климата, который царил в сфере социологии вплоть до 1960 года, не создалась ведущая группа социологов старшего поколения. Социологические кадры начали создаваться рывком на пустынной почве, почти лишенной традиций и авторитетов... Включение в эти кадры ученых старшего поколения затруднительно, так как они все получили, как правило, философское или какое-либо гуманитарное образование и им трудно в преклонном возрасте осваивать довольно сложный математический аппарат, столь усердно применяемый в современной социологии. Кроме того, молодежь в СССР, как правило, лучше знает иностранные языки, причем не только пассивно, но и активно, что очень облегчает контакты с иностранными учеными. Для этих молодых кадров барьеры, созданные в предыдущую эпоху, не кажутся столь целесообразными и необходимыми, как для людей, – их отцов и дедов, – которые в создании этих барьеров порой

активно участвовали» (с. 107). «Смысл этой борьбы между поколениями заключается не в наличии различных идеологий, а в споре о том, нужна ли идеология или нет, – отмечает финский социолог Я. Бломберг: – Молодое поколение стремится к независимости и старается утвердить социологию в качестве источника социальной критики. Эта дифференциация представляет собой наиболее интересную черту в развитии общественных наук в Советском Союзе» (с. 118-119).

Итак, «двойной конфликт» – конфликт в руководстве обществоведением и между старшим и молодым поколениями социологов – наложил весьма заметный отпечаток на ее отношения с властью, и это обстоятельство в достаточной мере отражено в подборке документов. Однако при рассмотрении проблемы «социология и власть» составители, по всей вероятности, считали существенной иную дилемму – «социология как средство объективного познания общества – власть как препятствие к такого рода познанию». Свою основную задачу они видели в том, чтобы показать институциональные вехи в легализации социологии властными структурами, процесс «допущения» этой науки в сферу теоретических и практических разработок.

Задачи, поставленные составителями сборника, выполнены в той мере, в какой это позволили сделать фонды ЦХСД. Отсутствие многих документов объясняется следующими обстоятельствами: «Часть хранится в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ) и почти недоступна для исследователей, часть не прошла рассекречивание. Несмотря на тщательные поиски, не удалось обнаружить, например, отчет делегации советских социологов о работе III Всемирного социологического конгресса (ВСК) в Амстердаме в 1956 г., документы, связанные с VI ВСК, состоявшимся в 1966 г. в Эвиане (Франция), с Первым всесоюзным симпозиумом социологов и целый ряд других; возможно, и они хранятся в АП РФ» (с. 7). Тем не менее

архивные материалы, отражающие первый этап «реабилитации» социологии, проходивший в 1950-1960-е годы, в сборнике представлены достаточно полно. В них запечатлены наиболее важные моменты институционализации науки.

Опубликованные документы, в частности, позволяют установить, что поворот партийного и академического руководства в сторону социологии произошел в период между октябрем 1954 и августом 1955 годов. В это время Академия наук СССР получила приглашение от Международной социологической ассоциации (МСА) участвовать в III Всемирном социологическом конгрессе, а партийные инстанции (Отдел науки и культуры, секретариат, немного позже Президиум ЦК) положительно решили этот вопрос (с. 16-21). Советские обществоведы впервые удостоились такой возможности, поскольку приглашение МСА участвовать во II Всемирном социологическом конгрессе (1953 год) властями не было принято.

Авторами сборника выделены главные направления развития социологии в исследуемый период – институциональное и содержательное. В издание включены блоки документов, отражающие процесс организации двух важнейших по тем временам социологических институций – Советской социологической ассоциации (декабрь 1957 - февраль 1958 г.) и Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР (октябрь 1967 – декабрь 1968 г.), а также основные научно-организационные мероприятия и исследования: участие советских социологов во Всемирных социологических конгрессах – III (Амстердам, август 1956 г.), IV (Милан-Стреза, сентябрь 1959 г.), V (Вашингтон, сентябрь, 1962 г.); в международном совещании социологов по вопросу мирного сосуществования («Второй конференции круглого стола по социологическим аспектам мирного сотрудничества»), проведенного в январе 1958 г. Секретариатом ЮНЕСКО и Международной социологической ассо-

циацией; во Втором Всесоюзном семинаре по социологическим исследованиям идеологической деятельности (июнь 1966 г.), в международном обследовании бюджетов времени населения на примере г. Пскова (1965 г.) и т.д.

О расширении возможностей знакомиться с опытом западных социологов свидетельствуют помещенные в сборнике записка директора Института философии АН СССР П.Н. Федосеева «Об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии» (10 июня 1957 г.) и записка Отдела науки о поддержке предложения (17 октября 1957). С дальнейшим развертыванием социологических исследований связана записка вице-президента АН СССР А.М. Румянцева о создании комплексных научно-проблемных групп при секции общественных наук Президиума АН СССР (2 июля 1967 г.), в целом поддержанная в конце того же года.

В сборнике содержатся программные документы партии о развитии общественных наук: отрывки из стенограммы совещания в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС: «О мерах по дальнейшей научной разработке и изучению марксистско-ленинской философии» (16 июня 1965 г.), записка Отдела науки и учебных заведений и Отдела пропаганды ЦК КПСС о проекте постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (9 января 1967 г.). Переработанный текст этого постановления был утвержден Политбюро ЦК КПСС 14 августа 1967 г.

Важное значение для расширения сети научно-исследовательских организаций имели письма в ЦК КПСС из Челябинского обкома КПСС с ходатайством об открытии в городе лаборатории по социально-экономическим исследованиям (8 сентября 1967 г.), из Ленинградского обкома КПСС об организации в Ленинградской ВПШ научно-методического кабинета социологических и социальных исследований по вопросам

партийного и советского строительства (17 ноября 1967 г.).

Своеобразными свидетельствами строгой идеологической цензуры, характерной для исследуемого периода, являются записки о задержании в 1967 г. упоминавшейся статьи В. Поремского и книги П. Сорокина «Пути проявления любви и сила ее воздействия», направленной в адрес И. Кона, как и факт отказа крупному российско-американскому социологу «посетить свою родину до своей кончины» (записка Научного совета АН СССР по истории мировой культуры о приглашении в СССР президента Американского социологического общества П.А. Сорокина, 3 февраля 1967 г.)

Большая часть архивных материалов, опубликованных в сборнике, отражают наиболее значимые события в развитии социологии рассматриваемого периода. На их фоне несколько выделяется записка Отдела науки и учебных заведений и Международного отдела ЦК КПСС о командировании Г.В. Осипова в Норвегию (от 31 декабря 1965 г.) для чтения лекций. В то время за границу выезжали десятки специалистов. Неясно, является ли этот случай единичным,

исключительным для социологов. В связи с отсутствием каких-либо разъяснений по поводу этого документа необходимость его помещения в сборник не очевидна. Истории отечественной социологии, и в частности ее взаимодействия с властью, были присущи особенности, не показанные в официальных документах. В следующих выпусках серии составители сборника планируют сочетать документальные источники с текстами мемуарного характера и материалами из личных архивов непосредственных участников событий. Что касается архивной работы, то для пополнения имеющихся источников, кроме ЦХСД, следует обратиться в другие хранилища Федеральной архивной службы, в том числе АП РФ, АРАН, ЦГАОДМ, ЦГАЛИ и др.

Несмотря на некоторую концептуальную и археографическую незавершенность, сборник является заметным достижением в источниковедческой работе по истории общественной мысли в России.

*Л.А. *Козлова*
кандидат философских наук,
Институт социологии РАН

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Демонтирование коммунистической системы привело к возникновению острых этнополитических конфликтов в регионах бывшего Советского Союза. Исследование этих конфликтов вызвало к жизни сравнительно новое для отечественной науки междисциплинарное направление — конфликтологию.

Формирование теоретических и методологических основ российской конфликтологии началось в первой половине 90-х годов. Тогда были созданы профильные исследовательские и научно-консультативные центры, вышли в свет сборники статей, монографии и

учебники по данной дисциплине. В 1996-1998 годах наметилась тенденция к выработке и закреплению российских конфликтологических «парадигм», которые, как представляется, имеют прикладную направленность и включены в современные политические дебаты. Это несколько отличает отечественную конфликтологию от западной социологии конфликта, имеющей преимущественно теоретическую направленность.

Вероятно, главным свидетельством формирования нового направления в отечественной социологии можно считать выход в свет учебника А.Г. Здравов-